

АНДРЕЙ ИВОНИН

БЕЛЫЕ ЛОДКИ НА ЧЁРНОЙ ВОДЕ

ГЕОМЕТРИЯ ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА

Пол. Потолок. Четыре стены.
Геометрия замкнутого пространства
без надежды на выход. Чувство вины
за то, что не сбылось, за постоянство
памяти долгой как жизнь. Любой
скажет, впрочем, что всё это блажь, пустое.
Сублимация сна в совершенно конкретную боль.
Но даже она терпима и вряд ли стоит
твоего внимания, заострённого на
узкой полоске света на вертикали
задёрнутых штор, ведь только она одна
и имеет какой-то смысл. Да и то, едва ли.

МОРЕ

В том городе,
провинциальном, южном,
ничем не примечательном на первый взгляд,
до упоминания пахло розами.
Они росли всюду:
в небольших скверах, под окнами домов,
на многочисленных клумбах –
розовые, белые, алые.
Был полдень, и деревья почти не давали тени.
Поливальная машина ехала по центральному проспекту,
оставляя после себя совершенно зеркальную поверхность
влажного асфальта.
Продавщица в ситцевом халатике
продавала квас из большой жёлтой бочки.
Загорелые девушки, попадавшие на встречу,
приветливо улыбались.
Голуби деловито сновали туда-сюда по тротуару
и сосредоточенно клевали кем-то заботливо рассыпанное пшено.
В городском парке, на площадке для аттракционов,
играла негромкая музыка.
Небо, на горизонте почти прозрачное,
ближе к зениту более насыщенное,
поражало своей глубиной.
А солнце светило так ярко,
отражаясь от стен аккуратных домиков,
выкрашенных ослепительно белой краской,
что, поднимаясь вверх по оживлённой,
наполненной праздно гуляющими людьми улице,
казалось, вот ещё чуть-чуть
и покажется море.

СИАНУКВИЛЬ

Лачуги из фанеры,
кафе и казино.
Считают деньги кхмеры,
Баранги¹ пьют вино.

Варяги, голодранцы –
сомнительный народ.
Поэты, самозванцы
и всякий прочий сброд.

Смешные доходяги.
С законом все на «ты».
Бездельники, бродяги,
философы, шуты.

Весь день на Учителе²
тусуется толпа.
Без денег и без цели
гуляет шантрапа.

В отелях постояльцы
за рюмочкой сидят.
Богатые китайцы
купают всё подряд.

Момент, и дело в шляпе.
Махнём без лишних слов.
Ну что, идём в «Блэк Папи»³?
Встречаемся у «Львов»⁴?

Измерено шагами
всё вдоль и поперёк.
Жара. А под ногами
скрипит, поёт песок.

¹ Баранг – европеец, белый человек в Камбодже.

² Очитель – пляж в Сиануквиле.

³ «Блэк Папи» – бар в Сиануквиле.

⁴ Львы – известная скульптура на одном из перекрёстков Сиануквиля.

РЫЦАРЬ

Стоя перед зеркалом, надеваю доспехи:
кольчугу, наплечники, поножи, железный панцирь.
Беру щит и копьё,
чтобы суметь защититься от ударов судьбы,
от отравленных стрел, косых взглядов.
Выходя из парадных дверей, опускаю забрало.
Вот я и неуязвим.
Где-то там, глубоко, под грудой металла
еле слышно бьётся сердце.

ГУГЛ

Вот всё, что так, увы, знакомо –
проекция пустого дома,
где я сижу, забившись в угол.
Поговори со мною, Гугл.

Пусть я внимания не стою,
поговори хоть ты со мною,
поскольку рядом, право слово,
нет собеседника иного.

Поскольку, как замыслил Бог,
мир угловат, жесток и строг,
а вовсе не пушист и кругл –
поговори со мною, Гугл.

Летят со скоростью мгновенной
часы и дни.
В холодной, сумрачной Вселенной
мы не одни.

Среди покровов ночи чёрной
и немоты
кромешной пропасти бездонной
есть я и ты.

Кто не лукавил пред богами,
тот будет свят.
Ты видишь – ангелы за нами
с небес глядят.

Мир удивителен и странен.
Зажжём свечу.
Возьмёмся за руки и встанем
плечо к плечу.

И прозвучат благие вести.
Отступит мрак.
Отныне и всегда мы вместе.
Да будет так!

ОХРИДСКОЕ ОЗЕРО

Белые лодки на чёрной воде.
Столики под навесом.
Как называется это дерево
на македонском? – *Бреза*.¹

Ночь. Разговор. Бутылка вина
выпита наполовину.
Озеро рядом – не видно дна,
как и в глазах у Павлины.

И продолжает медленно течь
слово от края до края.
Общее слово, славянская речь.
*Разбираш ли ме?*² – Понимаю.

¹ Бреза – берёза (*македонский*).

² «Разбираш ли ме?» – «Понимаешь меня?» (*македонский*).

Все девушки похожи
на музыкальные инструменты.
Вот эта на скрипку,
та на флейту,
а эта на пастуший рожок.

Девушка спрашивает: «А ты, правда, поэт?».
«Да» – «А прочти что-нибудь!» – «Ладно».
Читаю: рондо, канцона, сонет...
Слушает. «Надо же» – говорит – «Складно!».

«Складно?» – Улыбаюсь. День выходной
тянется, и у поэта
на душе весна, а за стеной –
осень? Зима? Лето?

ВЕРЛИБР

Голые слова,
неприкрытые
ни размером, ни рифмой,
словно
Адам и Ева
в раю.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

1.

Бог уже никуда не торопится – всё, пабаш!
Не звонит корешам ни в минада, ни в райотдел.
Он лежит на диване и дремлет под «Отче наш».
Он сто лет, как на пенсии, и давно отошёл от дел.

В его доме содом, и сквозит изо всех щелей.
А за печкой возня мышшей, пересвист сверчков.
Он давно не следит, что там деется у людей.
Да и разве увидишь чего-нибудь без очков.

Бог вздыхает, вставая с дивана, идёт, кряхтит –
Беспокоят одышка, давление и артроз.
Он на кухне клиент модель Вселенной 1:5,
Напевая «Царю небесный...» себе под нос.

2.

Бог играет в шахматы сам с собой.
Сам себе объявляет: «Шах и мат!».
Негодует, злится, трясёт бородой.
С енохианского переходит на мат.
Багровеет, из-за стола с трудом
поднимается, трёт виски.
Переворачивает мир вверх дном,
фигуры сбрасывая с доски.

3.

Бог сидит у камина, кутаясь в плед,
в старом свитере и в трико.
Читает новости из газет.
Пьёт с мёдом тёплое молоко.

Считает, сколько осталось дней
до пенсии. Произносит: «Итить твою мать!».
Встаёт, закрывает окно плотней,
выключает свет и ложится спать.

Вкус осени горек,
как дым от сжигаемых листьев,
как горечь внезапной утраты,
как запах полыни.
Бездомные птицы
снуют в остывающем небе,
навски прощаясь
с насиженным счастьем,
с оскоминой лета,
с любовью.

Подняв воротник,
наблюдая за самосожженьем
природы,
сквозь призму тумана,
сквозь ржавую сеть листопада,
вдоль мёртвых аллей,
по вороху воспоминаний,
по высохшим листьям
идти,
про себя повторяя:

вкус осени горек...